

Все события и герои этого романа
вымышлены, любое сходство
с существующими людьми случайно.

Автор

Ведь мы играем не из денег,
А только б вечность проводить!

А. С. Пушкин

Глава первая

Снег падал так медленно, словно каждая снежинка дремала на лету. Разноцветные огни вечерней Тверской едва пробивались сквозь рябую пелену. Москва тонула в мягком, мокром снегопаде, и даже истерические гудки машин, застрявших в безнадежной пробке перед площадью Белорусского вокзала, звучали спокойней, глуше.

Был час пик. Пешеходы месили соленую слякоть, поспешно огибали глубокие лужи, шарахались от фонтанов грязи, летевших в лицо из-под шальных колес.

— Чтоб ты провалился, мать твою! — пробормотала полная пожилая дама в светлой шубе, проводив сердитым взглядом черный «Линкольн», который хоть и ехал медленно, а все-таки грязью в прохожих брызгал.

В салоне, за глухими черными стеклами, двое мужчин легонько чокнулись крошечными коньячными рюмками и выпили. Один залпом, закрыв глаза и жадно двинув тяжелым щетинистым кадыком. Другой лишь пригубил густой, медово-золотистый коньячок, быстро облизнул тонкие губы и произнес:

— Твое здоровье, Азамат. Слушай, давно хотел спросить, у тебя вроде был выход на этого, как его? — Худые белые пальцы нервно отбили дробь по краю салонного столика. — Ну, немец, шустрый такой, в Москве учился, фамилия у него сложная, на «М».

— Не знаю, Гена, о ком ты. Зачем тебе немец? Своих, что ли, мало людей?

Азамат говорил с сильным кавказским акцентом и выглядел так, словно черный «Линкольн» только что подобрал его на каком-нибудь грязном перекрестке, где он с грузовика торговал мятыми мандаринами. Утепленные спортивные штаны с лампасами, облезлый тулупчик, траур под ногтями, длинный смуглый нос. Черные быстрые глаза посверкивали из-под нависших бровей, неприятно

убегали от взгляда собеседника, но при этом как бы ощупывали, обшаривали его лицо.

Азамату не нравился этот разговор. Он отлично понял, о ком спрашивает хозяин «Линкольна», но назвать имя, которое тот как бы запомнил, не спешил. Слишком уж громкое имя.

— Понимаешь, есть у меня одна идея, — продолжал Геннадий Ильич Подосинский, вовсе не замечая мрачной напряженности Азамата, — тебе, как старому другу, скажу. Хорошая идея, смешная... Немца-то как звать, а?

Геннадий Ильич быстрым движением выбил сигарету из пачки, жадно затянулся, выпустил дым, прищурился и чуть выпятил нижнюю губу. Даже на мягком диване в уютном салоне своего «Линкольна» он ни минуты не мог усидеть спокойно, вздрагивал, ерзал, менял позу, закидывал ногу на ногу, барабанил пальцами по худому колену, почесывал мягкий пористый нос, приглаживал тусклые черные прядки, прикрывающие лысину. Его высокий, глуховатый тенорок часто опускался до нервного шепота, словно он сообщал собеседнику какую-нибудь интимную подробность, и если посмотреть со стороны, то казалось, вытащили эту нелепую несимпатичную фигурку из провинциального нафталина семидесятых, не помыли, даже не встряхнули, запаковали в тысячдолларовый костюм от Кардена, поменяли кривые зубные коронки на голливудскую белоснежную челюсть, усадили в бархатное теплое нутро «Линкольна» и везут сквозь декабрьский снегопад по сумеречной нервной Москве девяносто седьмого года.

— Я хочу очень быстро проверить кое-что в Израиле. — Геннадий Ильич сделал на секунду задумчивое, мечтательное лицо, откинулся на мягкую спинку дивана, но тут же качнулся вперед, сгорбился, собрался в комок. — Мне надо вытащить оттуда одного интересного человечка. Будет отлично, если это сделает именно немец. Вот, вспомнил! — Подосинский легонько шлепнул себя по коленке и радостно рассмеялся. — Надо же, вспомнил! Карл Майнхофф!

Азамат мрачно молчал и шарил быстрыми глазами по лицу собеседника. В ответ на радостный смех он только слабо растянул губы.

— У меня, конечно, есть и другие каналы, — продолжал Подосинский интимным шепотком, — но я решил, что тебе, старому лентяю, не худо будет встряхнуться. Стареем мы с тобой потихоньку. — Он покачал головой и печально вздохнул. — Время летит! Через три дня кончится девяносто седьмой год. Останется всего два года до конца тысячелетия, до президентских выборов, до новой эпохи... Ты только вдумайся, Азамат, два года!

Азамат плеснул коньяку себе в рюмку, выпил залпом, закурил и произнес медленным, тяжелым басом:

— Слушай, Гена, не крути. Зачем тебе Карл?

— Я же сказал, хочу добыть одного человечка. Лучше, если это сделает именно Майнхофф. Он знает Израиль, у него есть там связи, он сделает все красиво, а мне надо, чтобы получилось очень красиво и чтобы никто ничего не понял. И еще мне надо, чтобы ни один чеченец в этом деле не засветился.

— Все равно на нас подумают, — криво усмехнулся Азамат.

— Ну, ты преувеличиваешь. — Подосинский снисходительно похлопал Азамата по плечу. — У тебя, как говорят психологи, завышенная самооценка. Вы не одни в мире такие страшные, и это все-таки Израиль. Ты сначала дослушай до конца. Пока на Ближнем Востоке продолжается арабо-израильский конфликт, пока не снято полностью эмбарго на иракскую нефть, у Западной Европы есть постоянный соблазн — каспийская нефть. Самый короткий путь для нефтепровода — через Чечню. Чтобы погасить все сомнения по поводу нефтепровода и прекратить канитель, надо организовать хороший скандал.

— На Ближнем Востоке и так сплошные скандалы, — заметил Азамат, — в Чечне тоже.

— Из двух зол всегда выбирают меньшее. К заварушке на Ближнем Востоке уже привыкли, никто не боится и не удивляется. А надо, чтобы испугались и растерялись. Евреи с арабами ссорятся, но глядишь — и договорятся. Так вот, чтобы они не могли договориться, мы потихоньку спутаем карты. Понимаешь?

— Пока нет, — честно признался Азамат.

Мимо затемненных окон «Линкольна» проплывало Ленинградское шоссе, медленный снег переливался и вспыхивал лимон-

но-желтым, алым, зеленым огнем. У метро «Динамо» торговали елками.

— Нужен крепкий компромат на Израиль. — Подосинский весело подмигнул. — И компромат этот должен добыть совершенно нейтральный человек.

— Это Карл-то нейтральный? — засмеялся Азамат. — Карл Майнхофф, краса и гордость международного терроризма. У него завязки по всему миру, его все ненавидят и боятся.

— Вот именно, — кивнул Геннадий Ильич, — все разведки встанут на уши, если Карл привезет из Израиля человека, который заявит публично, что по заданию израильского правительства работает над биологическим оружием нового поколения.

— А что, у тебя есть на примете человек, которому поверят, если он так скажет?

— Разумеется, есть.

— И что за оружие?

— Отличное оружие. Вирусы пострашней СПИДа. Можно при желании использовать так, что атаку никто не заметит. Станут вдруг вседохнуть как мухи. Генетические мутации начнутся, как в каком-нибудь ужастике. А потом еще будет рождаться много поколений уродов, но не по всему миру, а в отдельно взятой стране, которая станет жертвой атаки. Я не специалист, но знаю, там все как-то очень хитро. К каждому определенному виду сразу разрабатывается система вакцинации. Любые исследования в этой области были запрещены специальной резолюцией ООН еще пять лет назад. И тут — здравствуйте вам, оказывается, честные цивилизованные израильтяне потихому работают над чумой двадцать первого века.

— Брось. — Азамат махнул рукой. — Кому надо, тот и так знает. Очередная страшилка о супероружии не ускорит подписания контракта по нефтепроводу.

— Скучный ты человек, Азамат, — вздохнул Геннадий Ильич, — ты главного не понял. Дело ведь не в очередной страшилке. Вся соль в том, чтобы освежить привычную, поднадоевшую склоку новыми подробностями. Пусть заварушка продолжается и усложняется. Чем меньше шансов разрешить конфликт мирным путем, тем неопределенней ситуация на мировом нефтяном рынке. Ты,

Азамат, тактик. Ты живешь сегодняшним днем, и в этом твоя сила. Но и слабость тоже. А я стратег. Я генератор идей. Я смотрю далеко вперед.

— Ох, Гена, с огнем играешь. Замочат тебя, и все дела, — покачал головой Азамат.

— Типун тебе на язык, Азамат. — Подосинский криво усмехнулся. — Уже пробовали, не по зубам я им. Они у меня будут как собаки. Все поймут, но сказать, то бишь доказать, ничего не сумеют. Пока все ниточки ближневосточной проблемы у меня в руках. И я не хочу ни одной из них упустить. Ни одной.

— И все-таки почему именно Майнхофф? В какой связи ты вообще вдруг вспомнил о нем?

— В связи с Израилем. Все просто, Азамат. Майнхофф имеет там прочные связи. Ну не посылать же к евреям твоих джигитов! Они, конечно, молодцы, никто не спорит, но прости, они даже по-английски не говорят, не то что на иврите.

«Что-то ты темнишь, великий стратег. Лапшу мне на уши вешаешь. Тебе, вероятно, нужен не только еврей-профессор с супероружием, но и сам Карл. Интересно, зачем? Мало разве у тебя крепких ребят-исполнителей, не только чеченцев, которые по-английски не говорят, но всяких-разных, на выбор?» — с легким раздражением подумал Азамат. Но вслух сказал совсем другое:

— Карл очень дорого стоит.

— Сколько попросит, столько дам, — улыбнулся Подосинский.

— А оружие? — тихо спросил Азамат.

— Что — оружие? — Геннадий Ильич недоуменно вскинул брови.

— Ну, вирусы эти. — Азамат чуть поморщился. — Их не хочешь заодно добыть по-тихому? Если все боятся этих микробов, так, может, пусть будут на всякий случай, вместе с этой, как ее? С системой вакцинации.

— А зачем? — равнодушно пожал плечами Подосинский. — На фига мне вирусы? Я человек мирный.

Глава вторая

В первую неделю девяносто восьмого года в Иерусалиме выпал снег, а на побережье, в курортном Эйлате, где даже в январе температура редко падает ниже плюс пятнадцати, дул ледяной пронзительный ветер. Туристы, у которых была охота погулять по вечерней набережной в такую скверную погоду, понуро брели вдоль светящихся витрин сувенирных лавок, заглядывали внутрь, заходили, лениво перебирали дорогие безделушки.

У пристани покачивались яхты, огни отражались в спокойной тяжелой воде Красного моря, и казалось, будто яхты, прогулочные катера, маленькие рыбацкие лодки стоят на дрожащих разноцветных столбах. Тонкий серпик молодого месяца висел рогами вверх, словно темнолиловое небо улыбалось белым маленьким ртом, не разжимая губ.

Парк аттракционов на набережной был пуст. Карусели не работали. В такое позднее время, да еще в такой холод, не нашлось желающих кататься на машинках и лошадках, стрелять в тире, сбивать пластмассовыми шариками жестянки из-под колы, вылавливать магнитной удочкой из стеклянного аквариума китайские игрушки, которые все равно никогда не ловятся. Только грозное, пылающее яркими огнями сооружение под названием «Камикадзе» крутилось вокруг своей оси, высоко взлетало, переворачиваясь, зависало над парком.

Обычно из кабинок слышался восторженно-испуганный визг, но сейчас было тихо. Урчал, поскрипывал мотор аттракциона, тяжелая маслянистая вода Красного моря шуршала, набегая на холодный песок пустого пляжа. Иногда прорывался сквозь завывания ветра одинокий голос скрипки. Уличный музыкант у ограды парка, закрыв глаза, выводил скрипичное соло из концерта Вивальди исключительно для собственного удовольствия. В мятой кепке у его

ног лежала с утра жалкая мелочь, и ни гроша за долгий день не прибавилось. А теперь уж вряд ли кто-то пройдет мимо и бросит хотя бы полшекеля. Странное время, разгар курортного сезона, а тихо, пусто, будто вымерло все.

Единственный ребенок, пожелавший покататься на «Камикадзе», десятилетний русский мальчик Максим Воротынцев, не кричал и не визжал, когда висел вниз головой на восьмиметровой высоте. В животе все сжималось и леденело, ужасно хотелось заорать, но он молчал, стиснув зубы. Можно было бы и не стесняться. Кроме мамы, которая одиноко сидела на лавочке, и карусельщика, читавшего журнал в своей стеклянной будке, никто бы визга не услышал. Но Максимка молчал. Так было страшней и интересней.

Карусель сделала очередной круг, на этот раз медленный, плавный, и Максим успел заметить, что мама уже не одна на лавочке. Рядом с ней уселся какой-то тип.

— Гадкая погода, — произнес по-английски низкий мужской голос.

Алиса Воротынцева вздрогнула от неожиданности и оглянулась. Вспыхнули огни карусели, осветили черную спортивную куртку, высокий ворот белого свитера, жесткое загорелое лицо.

«Американец», — равнодушно отметила про себя Алиса, вежливо улыбнулась и посмотрела на часы.

Максимка катался на этой дурацкой вертушке уже двадцать минут. Он уговорил купить сразу три билета, и карусельщик, дернув рубильник, уселся в своей будке, уткнулся в журнал, покурил, прихлебывал пиво и, кажется, вообще не собирался выключать карусель.

— А знаете, почему здесь так холодно? — спросил загорелый американец.

— Нет, — буркнула Алиса.

— Здесь так холодно потому, что я мечтал полежать на песке, понырять с аквалангом в Красном море, погреться на солнце. Я мечтал об этом почти три года. Именно поэтому так холодно. Мне не везет.

«Нам с Максимкой тоже не везет, — лениво подумала Алиса, — мы тоже мечтали пожариться на солнышке в январе, поваляться на пляже. Мы здесь уже третий день, я выложила на эту поездку три тысячи долларов, почти все, что заработала за два месяца, а погода дрянная...»

Она поднялась со скамейки, подошла к будке.

— Извините, по-моему, пора уже выключать.

— А? — встрепенулся карусельщик.

Это был маленький, почти карлик, эмигрант из России.

Сначала Алиса и Максим удивлялись, слыша повсюду русскую речь. Потом им объяснили, что, по статистике, каждый пятый израильянин говорит по-русски.

— Уже двадцать минут прошло, — напомнила Алиса.

— Да ладно, — махнул он рукой, не поднимая глаз от журнала, — пусть мальчик покатается в свое удовольствие. Все равно ведь нет никого.

— Ему плохо станет. Выключите, пожалуйста.

— Как скажете. — Карусельщик пожал плечами, отложил журнал, неохотно вылез из своей будки. — А может, еще на чем желаете прокатиться? «Мертвая петля», «Сумасшедший паук», «Американские горки»?

— Нет, спасибо.

Карусель наконец застыла. Алиса бросилась к кабинке, чтобы помочь Максимке вылезти. Он был бледно-зеленый, чуть не упал, прыгивая с высокой ступеньки. Голова у него, разумеется, кружилась, однако он отстранил мамину руку и тихо фыркнул:

— Я сам. Не маленький.

— Вы из России? Это ваш младший брат? — не унимался американец.

Алиса с раздражением отметила, что, вероятно, парень слегка перебрал, ищет приключений и теперь долго не отвяжется. Почти никого на набережной нет, а ему охота пообщаться.

— Сын, — ответила она и, обняв пошатывающегося Максимку за плечи, направилась к выходу из парка. Американец не отставал, шел за ними.

— Что за тип? — спросил Максимка, кивнув на американца.

— Понятия не имею. Есть хочешь?

— Хочу. Но не здесь и не в отеле. Ты обещала, сегодня мы поужинаем в том ковбойском кабачке, у площади, где бедуинский рынок. Помнишь?

— Далековато. Пойдем в отель, там полный холодильник еды.

— Ты обещала...

— Тогда давай на машине. Я промерзла насквозь, и у тебя уши ледяные. Кстати, надень, пожалуйста, капюшон.

Скрипач у ограды выводил мелодию старинного русского романса «Капризная, упрямая». Максимка вытащил маленький серебряный шекель из кармана курточки, положил в кепку у ног скрипача.

Небольшой клубный отель «Ривьера» находился на соседней улице, в двух шагах от парка аттракционов. Проходя мимо ярко освещенной зеркальной витрины ювелирного магазина, Алиса скосила глаза и заметила, что американец в черной куртке все еще идет следом. Он успел поймать ее взгляд в зеркале и улыбнулся широкой, открытой улыбкой.

— Вы выглядите слишком молодо для такого большого сына, — произнес он громко, пытаясь заглушить шум ветра. — Впрочем, вы, вероятно, сами это знаете.

Они свернули за угол. Короткая улица была пуста. Американец свернул за ними.

— Простите, я плохо говорю по-английски. — Алиса ускорила шаг.

У нее не было никакой охоты продолжать разговор с посторонним поддатым человеком.

— Мам, ну что ты напрягаешься? — тихо спросил Максим. — Ты у меня дикая какая-то. Может, ему просто по пути, скучно и хочется поболтать?

— Я не напрягаюсь. С чего ты взял?

На самом деле она и правда никак не могла расслабиться, войти в спокойный ритм отдыха. Слишком устала, зарабатывая на этот отдых, который, кажется, не оправдывал радужных ожиданий и вложенных денег.